

жеских): приехали ли они туда для отдыха после похода, о котором выше речь идет в летописи, выполняли ли там задания князя или действительно постоянно проживали в собственных хозяйствах. Дружина—конкретно, младшая дружина—в ту эпоху должна была находиться непосредственно при князе, так как составляла его основную военную силу.

Может быть, автор книги слишком акцентирует городское происхождение былинного эпоса (стр. 73—76). Конечно, город уже обособился в Киевской Руси, но можно ли так же легко обособить городское и сельское население? Создатели и герои былинного эпоса, младшая дружина в массе своей, по крайней мере до XII в., были выходцами из деревни и связь их с ней вряд ли была разорвана. Иначе, кстати, былины не сохранились бы в крестьянской среде. Конечно, подчеркнуть особое значение города в создании былевого эпоса необходимо, но для последовательного противопоставления города селу в этом плане вряд ли имеются достаточные основания.

В исследовании указано как на прототип княжеских пиров на пиры-братчины, славившиеся в родовой, а затем сельской общине и весьма изменившиеся в условиях феодального города (стр. 57—59, 146—151). При освещении генезиса дружины Р. С. Липец указывает на ее возникновение в недрах родовой общины (стр. 82), на древний институт мужских союзов, глубоко исследованный советскими учеными, в частности С. П. Толстовым (стр. 99), на пережитки этого института в обычаях «парубочтва» (стр. 112—113); особо отмечен автором обычай побратимства (стр. 84—87).

Интересна мысль, высказанная, по-видимому, Р. С. Липец впервые, о том, что чашники и столники на пиру восприняли в христианизированной Руси в какой-то мере функции волхвов. Стольник должен был следить за тем, чтобы за столом все провоздилось по издревле принятым обрядам и обычаям и чтобы всякая «порча» не была перенесена на пищу; чашник же некогда руководил обрядовым распитием священных напитков на пиру (стр. 212—215).

При обзоре биршественной утвари, автор отмечает распространенность в Древней Руси надписей-благопожеланий на чарах и других сосудах. В связи с этим выясняется причина крайнего возмущения героя былины — богатыря, прочитавшего на сосуде надпись, запрещающую пить из него, — такая надпись была с народной точки зрения грубым нарушением общепринятой традиции (стр. 69—70).

Особо следует отметить догадки автора, основанные на этнографическом анализе конкретных былинных образов и мотивов. Так, поручение князя Даниле Ловчанину — поймать живого вепря к княжескому столу — объясняется архаической основой этого мотива: вепрь нужен как жертвенное животное, значит должен быть умерщвлен по ритуальным предписаниям (стр. 222—224); аналогичный смысл имел некогда и мотив поимки живой лебеди «некровавленной» (стр. 226).

Менее убедительно доказательство отражения в былинах обрядового обжорства (стр. 228—229). По нашему мнению, как раз осуждение Идолища противоречит ритуальной трактовке его обжорства. (Автор, вслед за Б. М. Соколовым, видит в этом мотиве отголоски языческих жертвоприношений идолам, отвергаемых уже в христианизированной Руси). Обжорство в былинах вообще категорически осуждается.

Любопытна догадка, что Добрыню, переодетшегося скоморохом-гусляром, никто не узнает на пиру потому, что его лицо скрыто маской, личиной; такие маски, как указывает исследовательница, были обычным атрибутом скомороха (стр. 279—281).

Пристальное проследивание автором генезиса различных явлений с точки зрения этнографа разъясняет многие их особенности в киевское время. Редкий историк или филолог был бы в состоянии совершать подобные, часто очень удачные, экскурсии, так как для этого необходим такой обширный опыт в области этнографии, каким обладает автор книги. В исследовании Р. С. Липец заложено немало новых, свежих наблюдений и идей, многие из которых останутся в истории изучения былины.

М. М. Плисецкий

K. Pietkiewicz. Etnografia Lotwy (Kultura materialna). «Polskie Towarzystwo Ludoznawcze. Prace etnologiczne», t. 8, Wrocław, 1967, 226 str.

В 1967 г. вышла в свет новая книга К. Петкевича «Этнография латышей. Материальная культура». Не случайно она посвящена именно материальной культуре латышей: в области изучения материальной культуры польские этнографы добились в последнее время значительных результатов¹. Подобно большинству новых трудов польских этнографов, «Этнография латышей» основывается на обширной базе источников и литературы, преимущественно изданной до 1960 г. на латышском, немецком, русском и польском языках.

Использованы работы этнографов Л. Думпе, А. Крастыни, И. Лейнасаре, М. Славы, Л. Терентьевой, Н. Чебокарова, А. Биленштейна, З. Лигера, археологов Э. Шноре, Фр. Балодиса и лингвиста Я. Эндзелина, а также данные из работ авторов XVII—

¹ «Historia Kultury Materialnej w widownietwach polskich Wybor», Warszawa, 1964.

XIX вв.— И. Бротце, А. Гупеля, Г. Янава, Х. Дулло, А. Олария и др. Для привлечения сравнительного материала использованы труды литовских, эстонских и русских этнографов (более 250 названий). Часть материалов собрана самим автором и его сотрудниками во время поездок по Латвии. К. Петкевич, который родился и рос в Латвии, хорошо знаком с культурой и языком латышей, имел возможность дополнить литературные сведения собственными наблюдениями, что придает книге определенную свежесть. К сожалению, автору мало удалось использовать многочисленные этнографические материалы, хранящиеся в латвийских музеях и в Институте истории Академии наук Латвийской ССР.

Широкий круг использованной литературы и источников, а также личные наблюдения позволили автору затронуть ряд дискуссионных вопросов, выдвинуть свои гипотезы, а в некоторых случаях прийти и к новым выводам.

Книга богато иллюстрирована (93 иллюстрации и 15 карт), что следует особо отметить, так как в этнографических изданиях иллюстрационный материал является существенным дополнением к тексту. Имеется резюме на французском языке (стр. 205—209) и словарь основных латышских этнографических терминов (стр. 198—204).

Работа состоит из введения, пяти глав и заключения. Введение знакомит читателей с географическим положением и природными условиями Латвии, а также характеризует экономическое развитие страны в прошлом и настоящем. Затем автор рассматривает этнический состав населения Латвии и дает краткий обзор ее политической истории в период феодализма и капитализма, революции 1905 и 1919 гг. и установления Советской власти в Латвии. Таким образом, введение дает представление об условиях, в которых формировалась материальная культура латышей.

К сожалению, в тексте введения есть некоторые неточности, правда, второстепенного характера, на которые все-таки следует обратить внимание. Так, по «Законам о видземских крестьянах» 1804 г. крестьянам не была предоставлена личная свобода² (*wolonsc osobista*). Законы 1817—1819 гг. еще не заменили барщину денежной рентой (стр. 22). Переход к денежной ренте и наемному труду в Курземе и Видземе произошел только в 40—50-х годах XIX в. Территория Латвии уменьшилась с 65 790 до 64 500 км² не в 1940 г., как пишет автор (стр. 15), а 7 сентября 1944 г. по постановлению Президиума Верховного Совета Латвийской ССР. Согласно этому постановлению, 6 волостей (Аугшпилс, Гауру, Кацену, Линавас, Пурвалас, Упмалас), большинство населения которых русские, были присоединены к территории РСФСР (декрет Президиума Верховного Совета Латвийской ССР от 7.IX.1944 г.). В Латвийской ССР в настоящее время коллективизировано 100, а не 92% крестьянских хозяйств, как пишет автор (стр. 17). Уже в 1953 г. коллективизацией было охвачено 98,7% хозяйств³.

Во введении на стр. 24—31 автор дает краткий обзор истории изучения материальной культуры латышей и характеризует состояние его в настоящее время. Особое значение имеет указание автора на изданные в Польше труды польских исследователей, которые до сих пор почти не использованы латышскими этнографами (работа М. Стрийковского, изданная в Варшаве в 1846 г., С. Улановского, изданная в Кракове в 1890 г., и др.). Автор справедливо отмечает, что исследования латышских этнографов в буржуазной Латвии в основном ограничивались изучением народного зодчества, одежды и народного искусства (стр. 28) и что в тот период не было работ, в которых анализировалась бы вся материальная культура латышей (стр. 29). Дальше автор указывает на расширение этнографических исследований в Латвии в 1950—1966 гг. и положительно оценивает комплексный характер этих исследований — сотрудничество с лингвистами, археологами и антропологами. Он отмечает, кроме того, установление контакта с этнографами соседних республик: в разработке проблем этнографии латышей в последнее время принимают участие также эстонские, литовские, русские и другие ученые⁴.

В пяти главах книги рассмотрены явления материальной культуры в их историческом развитии, для чего сравнительно широко привлечен не только исторический, но и археологический материал. Однако в связи с тем, вероятно, что археологический материал в книге второстепенен, автор в ряде случаев допускает неточности. Кроме того, он пользовался устаревшей литературой и недостаточно учел исследования археологов Латвии в 60-е годы, поэтому многие явления отображены неполно. В 60-е годы проводились обширные раскопки в зонах затопления Плявиньской и Риж-

² «Latvijas PSR vēsture», 1, Rīga, 1953, s. 357, 358.

³ «Latvijas PSR tautas saimniecība», Rīga, 1957, стр. 67.

⁴ Однако и в этой весьма интересной части работы есть некоторые неточности. Так, сочинения О. Гуна (1764—1832) неправильно названы «Sammlung Baltischer Ansichten» (стр. 25). Возможно, что автор имел в виду работу В. С. Стаффенхагена «Album baltischer Ansichten mit erläuterndem Text von verschiedenen Verfassern» (Mitau, 1857—1867), так как среди семи опубликованных работ О. Гуна под таким названием книги нет. Кроме того, в Центральном государственном историческом архиве Латвийской ССР хранится несколько десятков неизданных томов О. Гуна (фонд 6180). Работа И. Бротце «Sammlung verschiedener Liefländischen Monumente...» (Bd I—X) хранится не в Рижском историческом музее, а в Отделе рукописей Фундаментальной библиотеки АН Латв. ССР. Нельзя также согласиться с автором, что изучение этнографии латышей в 1918—1939 гг. концентрировалось в Музее под открытым небом (стр. 28).

ской ГЭС, в поселениях каменного и бронзового века, а также в поселениях на озерах, которые во многих отношениях дали совсем иное представление об уровне материальной культуры рассматриваемого периода⁵. Следует также обратить внимание на некоторые пробелы. Например, славяно-балтийские отношения в первом тысячелетии показаны исходя из трудов только польских исследователей, без учета всей обширной литературы по этой проблеме⁶. При составлении этнических карт территории современной Латвии в первом—втором тысячелетии автор опирался на материалы Фр. Балодиса, опубликованные в 30-е годы и сильно устаревшие. В результате финно-угорское население Северной Латвии того времени он считает ливами, хотя в последнее время советские ученые склонны относить их к эстам⁷. Не разрешен также вопрос об этнической принадлежности вендов. По мнению К. Петкевича, венды — западные славяне, однако археологические данные указывают скорее на их финно-угорское происхождение⁸.

К сожалению, автор не воспользовался в соответствующем разделе ценными данными новейших исследований по металлургии Латвии первого — начала второго тысячелетия⁹.

В первых двух главах книги рассмотрены основные отрасли хозяйства Латвии. Привлечен большой сравнительный материал по материальной культуре других восточнославянских народов.

Животноводство в Латвии этнографами до недавнего времени совершенно не изучалось, поэтому данный раздел книги вызывает особый интерес. К. Петкевич рассматривает животноводство в тесной связи с природными условиями (разрозненные пастбища среди лесов и водных бассейнов) и социальным укладом (формирование феодальной земельной собственности, распад сельских общин, переход на хутора). Стараюсь выявить древние и традиционные формы, автор подробно описывает общинный выпас скота, который сохранился в Латгалии до начала XX в. Почти полное отсутствие в латышской этнографической литературе сведений об объектах материальной культуры, связанных с животноводством (помещений для скота, мелкого инвентаря, посуды и пр.), оказалось, по-видимому, причиной и весьма краткого описания их в книге К. Петкевича.

В обзоре исторического развития земледелия автор справедливо подчеркивает отрицательное влияние, которое оказали немецкое вторжение и феодальное иго на развитие латышской земледельческой техники. К сожалению, описание систем земледелия в основном ограничено трехпольем, хотя хронологические рамки главы (XVIII—XX вв.) давали возможность рассмотреть также распространение многопольной системы. Автор касается также спорного в этнографической литературе вопроса о времени применения в Латвии в качестве тяглового животного лошади или вола, причем придерживается взгляда о более позднем распространении использования в упряжи волов. В довольно подробном описании различных земледельческих орудий (соха, борона, коса, серп, цеп и пр.) автор главным образом стремится выявить те детали, которые характерны для латышей и в которых отражается вековой опыт народа. С другой стороны, автор стремится выявить то общее, что связывает земледельческие орудия латышей с материальной культурой всей лесной полосы Восточной Европы. Особый раздел главы посвящен сортам культурных растений в Латвии.

В целом в первых двух главах автору удалось, несмотря на краткое, местами даже конспективное изложение, дать всестороннюю и в общих чертах правильную картину латышского крестьянского хозяйства и связанной с ним материальной культуры. Весьма рельефно выделены те элементы хозяйства, распространение которых за пределами Латвии свидетельствует, с одной стороны, о древней этнической общности, а с другой — о длительном взаимовлиянии культур соседних народов. Однако в центре внимания автора неизбежно остается специфика орудий и приемов труда латышей, сохранившаяся, как подчеркивает К. Петкевич, несмотря на различные влияния извне. Автору следовало уделить больше внимания тем переменам, которые в крестьянском хозяйстве были связаны с развитием капитализма, — изменению соотношения земледелия и животноводства в пользу последнего, развитию молочного животноводства, изменению системы земледелия, орудий, сортов культурных растений и т. д.

⁵ Э. Мугуревич, Исследование поселений, городищ и замков на территории Латвийской ССР. Acta Baltico-Slavica, V, Białystok, 1967; А. Я. Стубавас, Археология в Советской Латвии (1945—1967), «Сов. археология», 1967, № 4.

⁶ Я. Эндзелин, Древнейшие славяно-балтийские языковые связи, Изв. АН ЛатвССР, 1952, № 3; его же, Славяно-балтийские этюды, Харьков, 1911; Б. В. Горнунг, Из истории изучения балтийско-славянских языковых отношений, Rakstu krājums, Veltījums prof. Dr. J. Endzelīnam, Rīga, 1959; X. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии, «Вопросы этнической истории Эстонского народа», Таллин, 1956.

⁷ Н. Моора, Указ. раб., стр. 123—124; K. Ancītis, A. Jānsone, Vidzemes etniskās vēstures jautājumi, AE V, Rīga, 1963, ср. 44—45.

⁸ E. Sturms, Zur Vergeschichte der Liven, ESA, X, ср. 50.

⁹ A. Antēnis, Dzēlzs un tērauda apstrādājumu struktūras, īpašības un izgatavošanas tehnoloģija senajā Latvijā (līdz 13 gs.), AE, II, Rīga, 1960, ср. 3—60.

В III главе книги (стр. 99—116) рассмотрено ремесло. Глава состоит из шести разделов, в которых последовательно описана обработка древесины, коры, лозы, льна, шерсти, глины и железа.

В первом разделе — «Обработка древесины и коры в Латвии в XVIII, XIX и XX вв.» — автор рассматривает орудия труда и изделия, т. е. обработку дерева и изделия из него, не связанные со строительством и обстановкой зданий. Подбор примеров обусловлен стремлением по возможности ярче показать принадлежность Латвии к лесной полосе северо-восточной Европы. Особый интерес для латышских этнографов представляет второй раздел — «Обработка лозы», очень краткий, но весьма содержательный. Объем третьего раздела — «Обработка льна и шерсти» тоже невелик (5 стр.). В распоряжении автора был неравномерный и фрагментарный материал, почерпнутый из книг, различных по характеру, территориальному и хронологическому охвату (М. Глемжайте, А. Биленштейн, З. Лигерс, К. Мошинский). Тем не менее здесь наглядно, достаточно широко и в основных чертах правильно отображено историческое развитие этой отрасли ремесла. Однако в этом разделе, как и в некоторых других местах книги, автор распространяет на всю Латвию ряд явлений материальной культуры, характерных только для Восточной Латвии — Латгалии.

В четвертом разделе — «Окраска» — автор знакомит читателей с приемами окраски шерсти, пряжи, ниток и ткани, а также сообщает свои наблюдения о применении растительных красителей. Пятый раздел — «Обработка глины» — почти целиком построен на полевых материалах автора, который хорошо знает эту отрасль. С особой симпатией и очень эмоционально написан шестой раздел о кузнечном ремесле.

Общее представление о латышском народном ремесле, которое дает книга, несомненно, правильное. Однако, распространяя в результате ограниченного количества источников некоторые локальные явления на всю Латвию, автор в ряде случаев приходит к неправильным выводам. Так, исходя из книги З. Лигера, в которой опубликовано веретено, сохранившееся в Латгалии в 1930-е годы, автор считает, что это орудие бытует во всей Латвии до настоящего времени.

Подход автора к литературе очень осторожен и внимателен, тем не менее он не во всех случаях имел возможность проверить факты. Латышское народное ремесло в этнографической литературе Латвии пока отражено мало, поэтому материал исследования в основном ограничивается музейными и архивными фондами, которыми автор во время работы над книгой не имел, к сожалению, возможности пользоваться. Некоторые ошибки обусловлены, кроме того, недостаточным знанием нюансов латышского языка.

IV главу, посвященную народной одежде, автор начинает с обзора археологического материала, удачно используя труды видного латышского специалиста в этой области А. Зарина.

В целом правильно показаны развитие и особенности народной одежды латышей IX—XIII вв. Однако и здесь в отдельных случаях имеют место неточности. Например, неправильно распространять на южную Латвию — Земгале — металлические венки с подвесками, характерные только для латгалов. Преобладающим цветом тканей в Латвии X—XIII вв. был не голубой («niebieski»), как утверждает автор, а темно-синий.

При описании латышской народной одежды XVIII—XIX вв. выделены основные локальные комплексы и в общих чертах показаны те элементы, на основании которых автор впоследствии делает вывод о родстве материальной культуры латышей с культурой других народов лесной полосы северо-восточной Европы. К сожалению, и в этом разделе встречаются неточности, обусловленные в основном распространением явлений, характерных только для восточной Латвии, на всю страну. Например, автор пишет, что красные тканые венки были одинаковы не только во всей Латвии, но и у соседних народов — эстонцев, литовцев и славян. При этом не точно использована работа М. Славы¹⁰.

Последняя и самая большая глава книги посвящена описанию крестьянских поселений, построек и убранства жилища. Автор считает, что деревни — это наиболее древний тип поселений и что позднее, особенно в условиях развития мызного хозяйства, постепенно деревни дробились на хутора. Книга дает также хорошее представление о развитии крестьянских построек в деревнях и хуторах различных этнографических областей Латвии. Отметим следующие ошибочные утверждения. Два пути развития жилой риги, о которых пишет автор (стр. 143—144), характерны только для Эстонии¹¹. Печи эстонского типа с открытыми камнями в верхней части печи («kerezī») (стр. 151) в жилых ригах Латвии не обнаружены.

С интересом читаются разделы о происхождении и развитии дымовых труб и так называемых черных кухонь (melnās kukņas) в Латвии и о подобном процессе в различных странах северной и южной Европы. Указанная в этой связи работа А. Добровольского заслуживает особого внимания латышских этнографов.

¹⁰ М. К. С л а в а, Комплексы женской народной одежды латышей в конце XVIII и в первой половине XIX в., «Вопросы этнической истории народов Прибалтики», I, М., 1959, 494 стр. Неправильно отражено также распространение типов рубах (ср. М. К. С л а в а, Комплексы женской народной одежды..., стр. 488, и М. S l a v a, Latviešu zarnieku kreklu veidi, Arheologija un etnografija, III, Rīgā, 1961).

¹¹ А. K r a s t i ņ a, Zemnieku dzīvojamās — ēkas Vidzemes klušu saimniecības sairšanas un kapitalisma nostiprināšanās laikā, Rīgā, 1959, стр. 67—109.

В заключение книги автор дает краткую характеристику развития и особенностей материальной культуры латышей, подчеркивая то сложное влияние, которое оказали на этот процесс различные природные, географические, политические, экономические и этнические факторы. Природные и географические факторы были, несомненно, предпосылкой развития различных отраслей хозяйства, например, земледелия, животноводства и рыболовства. Однако, как справедливо отмечает автор, отдавая должное влиянию географической среды на материальную культуру и быт, нельзя все-таки считать его решающим. Главными факторами влияния на формирование культуры латышей, по мнению автора, были исторические условия и связи с соседними народами (стр. 183). Своеобразие материальной культуры и быта восточной Латвии — Латгалии автор связывает с длительным подчинением этой территории Польше. Интересна его мысль о том, что латышская буржуазия в XIX в складывалась в основном из выходцев из Видземе, Земгале и Курземе, а население Латгале в этом процессе играло незначительную роль (стр. 190).

Различия географической среды, исторических условий, этнической истории и культурных связей обусловили формирование в Латвии трех этнографических областей (стр. 190): Курземе (западная), Видземе и Земгале (центральная), Латгалия и Аугшземе (восточная). После краткой характеристики материальной культуры каждой этнографической области, в которой повторяется материал предыдущих глав, автор делает вывод, что материальная культура латышей — существенный источник для исследования культурных связей латышей и соседних народов.

Монография К. Петкевича представляет интерес для латышских этнографов также с методической точки зрения. Следует отметить мысль автора о том, что уровень материальной культуры народа в определенный период в первую очередь зависит от наличия и добычи сырья, а также от техники обработки сырья и изготовления изделий. В соответствии с этим взглядом автор останавливается на примерах, позволяющих охарактеризовать общий уровень развития латышской материальной культуры в определенный период.

В общей работа сделана хорошо, а некоторые недочеты, на которые указывалось выше, понятны, если учесть особенности условий работы над книгой.

В целом автор «Этнографии латышей» К. Петкевич заслуживает сердечную благодарность латышских этнографов за искренний интерес к жизни латышей, за удачную и детальную характеристику культуры латышского народа, за теплое сердечное отношение к нему.

*А. Алсуне, Л. Думпе, Э. Мугуревич,
А. Крастыня, М. Слава, Х. Строд*

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Y. M a n g a. *Ünnepek, szokások az Ipoly mentén.* Budapest, 1968, 188 стр.

Среди небольших, но интересных монографий новой серии работ, издаваемой исследовательской группой по этнографии Венгерской Академии наук, обращает на себя внимание книга Я. Манги «Праздники, обряды в долине р. Иполь», вышедшая под редакцией Д. Оргутай. Я. Манга — крупный знаток венгерского и словацкого фольклора, музыки и вообще народного искусства. В своей книге автор обобщает материалы, собранные им лично и под его руководством в 1930—1950 гг. в 27 словацких и венгерских селениях, расположенных вдоль течения пограничной реки Иполя (словацк. Ипел). Изучение фольклора данной области дает богатые возможности для сравнительно-аналитических исследований.

После краткого введения, содержащего историческую справку (правда, лишь начиная с середины XVII в.), и изложения принятых в работе методологических принципов, следуют три раздела: I—«Зимние праздники». II—«Весенние праздники» и III—«Летний праздник».

Подробнее всего автор описывает зимние праздники. Значительная часть этих описаний основана на сообщениях пожилых крестьян о ныне уже исчезнувших обычаях и обрядах. Интересно сообщение о существовавших до первой мировой войны так называемых «прядильных домах», где собирались женщины и молодые девушки. В этих же домах накануне дня Св. Николая (6 декабря) собирались только парни, устраивавшие шуточную исповедь, во время которой о девушках села рассказывались всякие были и небывлицы. Во многих деревнях тогда существовали традиционные «союзы парней», объединявшие неженатых юношей. Эти «союзы парней» и «прядильные дома» в свое время способствовали в значительной мере сохранению старинных обрядов и обычаев.

До наших дней своеобразные обычаи и обряды соблюдаются в день Св. Луции (13 декабря). В этот день нельзя пряхсть, стирать, печь хлеб и т. д. Перед этим празд-